

О чем говорить и пишут.

В „Русском (лов)“ г. Старый вестник горячо отзывается о „Вишневом саде“, напечатанном в вышеуказанном на днях втором сборнике „Знания“.

Новое произведение А. П. Чехова написано так, как у нас пишут писатели лишь Чехов. Вот маленькое полотно, в высшем смысле верное, величине, на нем сжаты крохотный уклад жизни, рассказы, как будто чей-то случайный эпизод, но в эту четвертьвершковую картину вложено столько жизненной правды, столько разумения жизни и столько любви к жизни, в ней в жизнь, что вершковое полотно перестает выглядеть чуждым, чуждым, расширяется и захватывает широкий горизонт, надолго приковывает к себе вашу мысль.

Тона, которыми написан „Вишневый сад“, как и все, впрочем, у Чехова, — мягкие, теплые, жизненные. Автор-художник берет жизнь во всей ее неприглядной и безалаберной действительности. Он не скрывает и не затуманивает ни одного ее печального и уродливого штриха, но и не подчеркивает его резко. Художник-писатель и знает жизнь, и, что еще важнее, понимает ее, а кто все понимает, тот никого и ничто не судит.

Случайное то совпадение или, может быть, действительная внутренняя связь, только А. П. Чехов, — по образованию доктор, врач, — и в жизни во всем художник-писатель относится по докторски. Жизнь тяжело больная потеряла силы и стонет, — Чехов, писатель-доктор, с веселой шуткой, с бодрейшей улыбкой на губах подходит и говорит:

— Вздаться вам, ничего не делаете, забитесь в душную комнату, закурились в футляр? Стало, встаньте-ка скорей, станьте на ноги, выйдите на широкий простор, да принимайтесь за дело. Что у вас тут такое? Давайте-ка, и послушаю вас, выслушаю и послушаю пульс.

И слышат, хрипя жизнь, и выстукивает тупые, глухие тона ее, определяет слабость и вялость жизненного пульса.

— Больны, совсем больны, — говорит писатель-врач. — И глаза тупые, и языки свертный, и пульс خیلی работает. А все почему? Ничего не делаете, сидите ваперти, в духоту. Движения надо больше, больше „свежого воздуха“. Откройте, по крайней мере, сейчас шире окно на воздух, да уберите и все эти „тряпки“ из комнаты; одна только пыль от них, а на окнах свет загораживает.

Это „докторское“, участливое отношение к жизни у А. П. Чехова в „Вишневом саде“ проступает в каждой строчке с особым

силой. Здесь „больные“ больны тяжело, больны, можно сказать, неизлечимо, но они больны не ими сами, а наследственной болезнью. Поэтому писатель-врач хотя и определяет их полную непригодность к жизни, хотя и пишет их смертный приговор, но в душе их жалует, как бы говорит:

— Вот, ах, и недурные сами по себе люди, даже хорошие, а как их искалечила жизнь с детства, разслабила до полной непригодности ни к чему. Не жалю они на себя. Жизнь зовет на смену им других, сильных, здоровых и бодрых телом и духом. И те придут и оживят жизнь. Но жаль, все так, так. Не то жаль, что они умрут, а то, что они жили не жизнью, а была жизнь, и не было ей, а ведь так много было у них для жизни“.